

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Свящ. А. Кремлевский

Небожители

Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)

Киев
2012

Семінариі
<http://Lib.kdais.kiev.ua>

1904

~~А 84
357~~

НЕБОЖИТЕЛИ

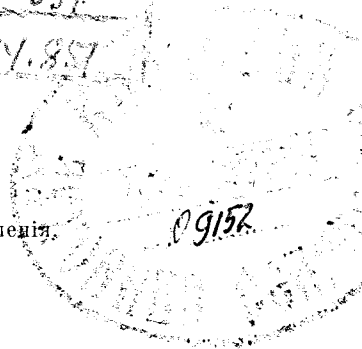
Къ вопросу о томъ, можно ли считать ангеловъ населеніемъ звѣздныхъ міровъ?

Ш. Вендъ 357

БИБЛИОТЕКА
Олес. Дух. Семінариі
Ор. № 337
К 79 ШВ. 14. 857

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1904.

Дозволено цензурою. Ярославль. 1904 года.

НЕБОЖИТЕЛИ.

Къ вопросу о томъ, можно ли считать ангеловъ населеніемъ звѣздныхъ міровъ?

Когда въ ясную зимнюю ночь смотришь на чудную картину звѣзднаго неба и припоминаешь библейскіе рассказы о явленіяхъ св. ангеловъ по одному или цѣлыми сонмами въ этихъ свѣтлыхъ звѣздныхъ сферахъ, каково, напр., явленіе ангеловъ Виолеемскимъ пастухамъ при рождествѣ Господа нашего Иисуса Христа, невольно возникаетъ въ умѣ мысль о близости между двумя великими половинами мірозданія, міромъ чувственнымъ, звѣзднымъ, и міромъ сверхчувственнымъ, ангельскимъ, и возникаетъ вопросъ: гдѣ же собственно обитаніе этихъ свѣтлыхъ небожителей?

Въ научномъ сознаніи человѣчества давно уже прочно утвердилась мысль о населенности небесныхъ міровъ разумными существами. Эта мысль, возникши естественно послѣ того, какъ стало извѣстно дѣйствительное положеніе земли и солнца во вселенной, развивалась и укрѣплялась по мѣрѣ того, какъ усовершенствованіе оптическихъ инструментовъ давало возможность ближе знакомиться съ дѣйствительнымъ состояніемъ планетъ нашей солнечной системы, при чемъ выяснилось несомнѣнное существованіе главныхъ условій органической жизни, свѣта, тепла, воды, на ближайшихъ къ землѣ планетахъ: Венерѣ, Марсѣ, Юпитерѣ. Мысль о возможности жизни на иныхъ мірахъ привела къ убѣжденію во всеобщности жизни во вселенной, такъ какъ звѣзды оказываются такими же очагами свѣта и тепла, какъ и солнце, откуда

по аналогіи естественно заключить, что и каждая из звѣзд имѣетъ собственную систему спутниковъ, планетъ, на которыя и изливаетъ свой свѣтъ и свое тепло; существованіе этихъ звѣздныхъ планетъ въ послѣднее время подтверждается и астрономическими наблюденіями, особенно періодическимъ ослабленіемъ и усиленіемъ мерцанія нѣкоторыхъ звѣздъ, объясняемымъ вращеніемъ около нихъ громадныхъ спутниковъ.

Въ настоящее время особенно ревностнымъ защитникомъ и популяризаторомъ мысли о многочисленности обитаемыхъ міровъ и о всеобщности жизни во вселенной является извѣстный французскій астрономъ Камилль Фламмаріонъ, блестящія произведенія котораго хорошо знакомы и русскому обществу. Художественному перу этого астронома принадлежитъ заслуживающее серьезнаго вниманія, глубокое по мыслямъ произведеніе: „Многочисленность обитаемыхъ міровъ“. Въ этой книгѣ авторъ разсматриваетъ исторію вопроса объ обитаемости міровъ и находитъ, что мысль эту раздѣляли весьма многіе астрономы и философы. Излагаетъ тѣ результаты, къ какимъ пришла новѣйшая астрономія въ наблюденіи планетъ солнечной системы, и находитъ, что на всѣхъ ихъ можетъ развиваться жизнь примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ; при этомъ указываетъ, что и на землѣ жизнь чрезвычайно разнообразна, смотря по мѣстнымъ условіямъ, и что на землѣ жизнь разлита всюду при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ существованія. Далѣе показываетъ, что положеніе земли въ ряду небесныхъ тѣлъ не отличается никакими преимуществами, напротивъ, на землѣ условія для развитія жизни гораздо хуже, чѣмъ на многихъ другихъ планетахъ. Отсюда послѣдовательно дѣлаетъ заключеніе по аналогіи, что и на другихъ планетахъ можетъ быть жизнь не ниже земной, т. е., не только растительно-животная, но и разумная. Предполагая, что

и звѣзды имѣютъ свои планетныя системы, талантливый писатель высказываетъ твердое убѣжденіе, что жизнь разлита всюду во вселенной, хотя въ настоящее время міры, быть можетъ, и не всѣ заселены: одни могли быть населены ранѣе, а другіе готовятся дать мѣсто жизни впоследствии. „Наша эпоха не имѣетъ никакого преимущества предъ другими; настоящее — не что иное, какъ отворенная дверь, чрезъ которую будущее устремляется къ прошедшему. Моментъ, называемый нами настоящимъ, уже не существуетъ болѣе въ то самое мгновеніе, когда мы его называемъ, и будетъ ли какой-нибудь міръ обитаемъ въ XIX вѣкѣ христіанской эры или же въ сотомъ вѣкѣ раньше или позже ея, для вѣчности безразлично¹⁾).

Мысли Фламмаріона нашли въ образованномъ обществѣ въ высшей степени благосклонный и вполне заслуженный пріемъ, о чемъ свидѣтельствуетъ громадный успѣхъ его произведеній. Этотъ успѣхъ, равно какъ и вообще широкое распространеніе въ обществѣ популярно-научныхъ астрономическихъ книгъ другихъ авторовъ ясно свидѣтельствуютъ о возбужденіи въ современномъ образованномъ обществѣ значительнаго интереса къ выводамъ астрономіи. Интересъ этотъ совершенно понятенъ, если принять во вниманіе, какіе широкіе и свѣтлые горизонты открываетъ астрономія въ системѣ міровоззрѣнія человѣка. Кто относится сознательно къ окружающей дѣятель-

¹⁾ Приведенныя слова взяты изъ Живописной астрономіи того же автора. Перев. Е. Предтечевскаго. Спб. 1897 г. стр. 435. Книга—„Многочисленность обитаемыхъ міровъ“, написанная въ 1862 году, выдержала въ теченіе тридцати лѣтъ своего существованія 30 изданій и нѣсколько разъ была переведена и на русскій языкъ. Послѣдній переводъ, сколько намъ извѣстно, появился въ 1896 г. и сдѣланъ съ 30-го парижскаго изданія К. Толстымъ. (Ц. 2 руб. Есть изданіе цѣною въ 1 руб., но чье оно, не знаю). Перу Фламмаріона принадлежитъ немало и другихъ извѣстныхъ русскому міру, произведеній, каковы—Уранія, Живописная астрономія, Конецъ міра и др. Въ нихъ авторъ высказываетъ тѣ же взгляды, что и въ „Многочисленности обитаемыхъ міровъ“.

ности, кто хочет имѣть цѣльное и осмысленное міровоззрѣніе, для того астрономія безспорно даетъ весьма много, ясно показывая какъ ничтожество земли и человѣка въ безпредѣльномъ космосѣ, такъ и величіе человѣческаго духа, постигающаго этотъ чудный космосъ, а еще болѣе—безпредѣльное величіе Творца міра. При мысли о милліонахъ солнць и неизмѣримыхъ, ужасающихъ звѣздныхъ пространствахъ невольно чувствуешь свое ничтожество и убѣждаешься, что дѣйствительно «человѣкъ, яко трава, дніе его, яко цвѣтъ сельный», но что въ то же время онъ воистину «умалень малымъ чимъ отъ ангель», ибо по духу—выше всего этого величія. А мысль о дѣйствительномъ существованіи и безпредѣльномъ величіи Творца міра такъ неодолимо запечатлѣвается и проясняется въ сознаніи человѣка, что астрономіи, повидимому, суждено нанести смертельный ударъ, матеріализму. Понистинѣ, «небеса повѣдаютъ славу Божию» тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе человѣкъ познаетъ ихъ.

Уже самое величіе открываемыхъ астрономіей перспективъ было причиной того, что къ тому широкому астрономическому движенію, которое охватило образованное общество, не остались нечувствительны и богословы, при чемъ неизбежно встрѣтились и съ ученіемъ о многочисленности обитаемыхъ міровъ. На западѣ среди богослововъ послѣднее встрѣтило настолько сочувственный пріемъ, что нѣкоторые даже прямо доказывали, что, напр., солнце заселено душами умершихъ праведниковъ¹⁾. Католическій богослов Ортоланъ находитъ въ самомъ Св. Писаніи нѣкоторыя прикровенныя указанія на существованіе иныхъ, неземныхъ человѣчествъ. «Нельзя ли, пишетъ онъ,—найти въ св. Писаніи и Преданіи какихъ-нибудь указаній на это ученіе о многочисленности обитаемыхъ міровъ, которое такъ волнуетъ умы въ наше время? Конечно, мы не претендуемъ на то, чтобы утверждать,

¹⁾ Краткое изложеніе этихъ мнѣній см. въ ст. С. С. Глаголева, „Астрономія и богословіе“. „Богослов. Вѣстн.“, 1897 г.

что объ этой многочисленности учить Евангеліе, по мы склонны думать, что многія страницы богодухновеннаго текста хорошо согласуются съ нею. Господь сказалъ: «есть у Меня и другія овцы, которыя не сего двора; и тѣхъ надлежитъ Мнѣ привести: и онѣ услышатъ голосъ Мой, и будетъ одно стадо и одинъ Пастырь (Іоан. х, 16). Древній экзегезисъ прилагалъ эти слова къ призванію язычниковъ, которые должны были соединиться съ оставшимися въ церкви іудеями; но новые богословы примѣняютъ ихъ къ населенію звѣздъ, для которыхъ, равно какъ и для земли, Христосъ является царемъ. Воплотившееся Слово сравнивается съ добрымъ пастыремъ, который для того, чтобы спасти заблудившуюся овцу, оставляетъ прочихъ девяносто девять на горахъ, отправляется за несчастною заблудившеюся и, когда, наконецъ, находитъ ее, беретъ ее къ себѣ на плечи, чтобы избавить отъ трудностей обратнаго пути. «Такъ, сказалъ объ этомъ Господь, на небесахъ болѣе радости будетъ объ одномъ грѣшникѣ кающемся, нежели о девяноста девяти праведникахъ, не имѣющихъ нужды въ покаяніи». (Лук. хv, 7). Папа Григорій понималъ подъ 99 овцами, покинутыми на горахъ ради спасенія одной, безчисленное множество ангеловъ, которые не имѣли нужды въ искупленіи. Но нельзя ли также понимать подъ 99 овцами всѣ звѣздныя человѣчества, для которыхъ Божественное Слово не воплощалось, можетъ быть, потому, что они не пали? Но оно снизошло на нашу бѣдную землю, этотъ незамѣтный шаръ, затерявшійся въ пространствѣ, для того, чтобы влить новую кровь въ вены несчастнаго потомства Адама.

Господь говоритъ еще: «въ домѣ Отца Моего обителей много» (Іоан. хiv, 2). Имѣлъ ли онъ этимъ сказать, какъ вѣрили древніе, только то, что избранные на небѣ будутъ имѣть различныя степени славы, сообразно со степенью заслугъ каждаго изъ нихъ? Или Онъ желалъ намъ внушить, что эта земля, которую Онъ имѣлъ оставить, чтобы взойти

къ Отцу, есть только одно изъ многочисленныхъ жилищъ, созданныхъ Богомъ для разумныхъ существъ, призванныхъ къ жизни, хвалебныя пѣсни которыхъ во славу Высочайшаго звучатъ на тысячахъ мировъ, вращающихся вокругъ отдаленнѣйшихъ солнцъ? Точно также, когда св. Павелъ на своемъ блестящемъ языкѣ учитъ насъ, что Богу Отцу угодно все возстановить во Иисусѣ Христѣ, не только то, что на землѣ, но и то, что на небесахъ (Ефес 1, 10; Колос. 1, 20), не хочетъ ли онъ показать намъ, что благодѣянiя искупленiя, совершавшагося здѣсь, внизу, можетъ быть, распространятся далеко за предѣлы нашего маленькаго міра?

Мы не настаиваемъ на томъ, что приведенные тексты несомнѣнно содержатъ указанiя на многочисленность обитаемыхъ мировъ. Мы не утверждаемъ этого. Но мы думаемъ, что если бы справедливость ученiя объ этой многочисленности была когда-нибудь доказана, то, не представляя собою ничего противнаго вѣрѣ и откровенiю, это ученiе дало бы полную возможность истолковать приведенныя тексты въ представленномъ широкомъ смыслѣ»¹⁾.

Въ нашей богословской литературѣ мысль о населенности небесныхъ тѣлъ встрѣтила болѣе осторожный, но въ общемъ вполне сочувственный прiемъ. Воздерживаясь отъ окончательнаго рѣшенiя вопроса, наши богословы находили мысль астрономовъ вполне допустимой съ богословской точки зрѣнiя. Такъ, проф. А. Бѣляевъ, исходя изъ понятiя о гармонiи и единствѣ въ мірозданiи, находить вполне правдоподобною мысль о населенности небесныхъ тѣлъ. «Не утверждаемъ положительно, пишетъ онъ, но считаемъ весьма вѣроятнымъ, что богатство и разнообразiе жизненныхъ формъ существуютъ не на землѣ только, но и въ другихъ частяхъ мірозданiя. Странно и непонятно было бы, если бы населена была жизнью одна наша маленькая пла-

¹⁾ См. статью „Астрономiя и богословіе“. „Богослов. Вѣстн.“, 1897 г. Сентябрь. Стр. 338—339.

нета, а прочiя неизмѣримыя области были бы пусты, необитаемы, безжизненны. Поэтому почти нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, весьма многія части міра населены многими родами живыхъ существъ. Различiе условiй мѣстъ, въ которыхъ они живутъ, и величайшее разнообразiе въ проявленiяхъ жизни даже на самыхъ малыхъ пространствахъ на землѣ убѣждаютъ насъ въ томъ, что эти предполагаемые роды существъ отличны отъ земныхъ. По аналогiи съ земною жизнью можемъ каждый изъ этихъ рядовъ или родовъ формъ жизни считать цѣлостнымъ организмомъ. Можемъ предполагать, что эти организмы въ совокупности составляютъ одну стройную систему, исполненную величайшаго разнообразiя формъ и въ то же время проникнуты самымъ строгимъ единствомъ и законченностью въ цѣломъ, въ первоосновахъ своихъ, въ своихъ общихъ законахъ, въ своихъ конечныхъ цѣляхъ, въ своей творческой Первопричинѣ — высочайшей волѣ и любви. Какъ члены ряда земныхъ существъ поднимаются отъ низшихъ до самыхъ высшихъ постепенно, безъ скачковъ, такъ, нужно думать, подобный же порядокъ и постепенность есть и въ относительномъ расположенiи и взаимоотношенiи цѣлыхъ родовъ или системъ существъ. Какъ въ ряду земныхъ существъ есть члены высшіе и низшіе, такъ и въ цѣломъ необъятномъ зданiи мировой жизни есть низшіе роды или ряды существъ, есть и высшіе»¹⁾. Эти «высшіе роды» по полнотѣ

¹⁾ А. Бѣляевъ, „Любовь божественная. Москва, 1884 г. изд. 2, стр. 132. Сужденiя автора вполне согласуются съ мыслию св. Иоанна Златоуста о существованiи въ мірѣ, кромѣ людей и ангеловъ, иныхъ невѣдомыхъ намъ существъ. Вотъ слова Златоуста. „Кромѣ ангеловъ есть и другія силы, которыхъ даже именъ мы не знаемъ.—Не одни ангелы, архангелы, престолы, господства, начала и власти суть обитатели небесъ, но и безчисленные иные роды и невообразимо многіе классы, которыхъ не въ состоянiи изобразить никакое слово. А откуда видно, что силъ болѣе вышеупомянутыхъ и что есть силы, которыхъ и именъ мы не знаемъ? Апостолъ Павелъ, сказавъ объ одномъ, упоминаетъ и о другомъ, когда свидѣтельствуетъ о Христѣ: посади Его (Отець) одесную Себе на небесныхъ: превыше вся-

своей внутренней жизни, сравнительно съ человекомъ, должны соприкасаться съ ангельскимъ міромъ, если только сами не входятъ въ составъ послѣдняго. Относительно звѣздныхъ человечествъ съ точки зрѣнія Св. Писанія можно положительно утверждать одно, именно, что Св. Писаніе не отрицаетъ этой мысли: ни одному изъ христіанскихъ догматовъ эта мысль не противорѣчитъ, разъ признано, что Св. Писаніе не защищаетъ оставленной геоцентрической теоріи, а эту послѣднюю мысль въ настоящее время можетъ утверждать развѣ только злостный противникъ или совершенно невѣжественный защитникъ Св. Писанія.

Ничего не говоря о звѣздныхъ человечествахъ, Св. Писаніе со всею опредѣленностью учитъ, что міръ разумныхъ и богоподобныхъ существъ не ограничивается земнымъ человечествомъ, что есть безчисленное, невообразимое множество разумныхъ существъ, обитающихъ гдѣ-то внѣ нашей земли, на небѣ; существъ этихъ оно именуетъ ангелами, безсмертными и блаженными духами. Если понимать въ собственномъ, буквальномъ смыслѣ небо, какъ мѣсто обитанія ангеловъ, то мысль объ ангелахъ, какъ обитателяхъ звѣздныхъ міровъ, возникаетъ естественно сама собою. Эта мысль не такъ фантастична, какъ она можетъ показаться на первый взглядъ, и, по нашему мнѣнію, болѣе имѣетъ для себя основаній въ Св. Писаніи, чѣмъ ученіе о существованіи звѣздныхъ человечествъ.

Богословы понимаютъ различно обитаемое ангелами небо. Одни понимаютъ небо въ духовномъ смыслѣ и утверждаютъ, что оно не имѣетъ ничего общаго съ чувственной вселенной и не подлежитъ пространственному измѣренію или опредѣ-

ленію. Другіе, предполагая, что чувственная вселенная имѣетъ предѣлы, помѣщаютъ рай за этими предѣлами въ-средѣ сверхчувственной въ буквальномъ смыслѣ ¹⁾. Третьи, наконецъ, отождествляютъ ангельское небо съ видимымъ, звѣзднымъ, и считаютъ послѣднее мѣстомъ обитанія ангеловъ. «Населяемая нами земля, пишетъ св. Кириллъ Іерусалимскій, есть какъ бы нѣкоторая точка, находящаяся въ средоточіи неба; посему окружающее ее небо настолько же больше имѣетъ обитателей, насколько больше само, а небеса небесъ содержать ихъ необъятное число» ²⁾. Въ этихъ словахъ указывается, что ангелы обитаютъ въ границахъ видимаго неба, но въ какомъ отношеніи они находятся къ небеснымъ тѣламъ, ничего не сказано. Первымъ, сколько намъ извѣстно, высказался въ пользу признанія звѣздныхъ міровъ ангельскими обитателями архіеп. Анатолій. Мнѣніе свое онъ выразилъ въ слѣдующей осторожной формѣ. «Въ высшей степени вѣроятно, говорятъ астрономы, что каждая планета есть особый міръ, наполненный разумными существами, такъ какъ въ созданіяхъ Существа премудрѣйшаго нѣтъ и не можетъ быть ничего лишняго, напраснаго; здѣсь каждая точка неба есть храмъ Его, и во всѣхъ этихъ храмахъ, не опредѣлимыхъ ни числомъ, ни мѣрою, ни формою какою-либо, ни общими условіями бытія, согласно прославляется всемогущество, премудрость и благодать Создателя ихъ.

¹⁾ „Гдѣ же сіе небесное жилище? Не будемъ останавливаться на семъ вещественномъ небѣ, которое представляется нашимъ взорамъ; вознесемъ мыслию до той высоты, на коей исчезаютъ все чувственные предметы, чтобы узрѣть блаженство праведныхъ Великолѣпіе Божіе превыше небесъ (Псал. VIII, 2, и Иисусъ Христосъ вознесенъ превыше небесъ (Ефес. IV, 18). Тамъ и рай нашъ, тамъ и блаженство наше“ („Христ. Чтеніе“, 1840 г., ч. II, стр. 92. Рай). Такой взглядъ былъ совершенно естественъ въ то время, когда люди представляли небо куполообразною плоскостью, украшенною солнцемъ, луной и звѣздами, а землю считали центромъ міра. Тогда необходимо было относить рай за предѣлы чувственнаго міра, хотя въ Св. Писаніи нѣтъ достаточныхъ основаній для этого, какъ увидимъ далѣе.

²⁾ Огласит. поуч. XV.

каго вначальства, и власти, и силы, и господства и всякаго имени, именуемаго не точію во вѣцъ семъ, но и во грядущемъ (Еф. I, 21. Видите, что есть какія-то силы, которыя будутъ извѣстны намъ, но теперь неизвѣстны“. Бес. 3 на Ефес.; слово 3 противъ аномеевъ.

И кажется, нѣтъ нужды прекословить такому предположенію астрономовъ, хотя въ научныхъ изслѣдованіяхъ истина часто оказывалась отличною отъ вѣроятія. Самъ Спаситель училъ, что въ домѣ Отца Его обитателей много (Іоан. хiv, 2), и, приточно уподобляя родъ человѣческой заблудшей овцѣ, приточно говорилъ, что для спасенія нашего естества Онъ оставилъ девяносто девять овецъ (Мѡ. хviii, 11, 12). Почему же не заключать отсюда, что этимъ выраженіемъ Господь означилъ какіе-то особенные роды существъ, одаренныхъ разумомъ, положимъ — тѣ роды, коимъ Слово Божіе даетъ названія херувимовъ, серафимовъ (Ис., Іезек.), престоловъ, господствъ, начальствъ и властей (Колос. I, 16), и что недоуздомые для насъ міры дѣйствительно наполнены разумными существами, неумолкно славящими Отца небеснаго? При этомъ надобно также имѣть въ виду и то, что если на землѣ, въ разныхъ странахъ нашей планеты, есть такія растенія и животныя, которыя, по своей организаціи сроднившись съ однимъ климатомъ, не могутъ жить въ другомъ, то на разбѣянныхъ въ небесномъ пространствѣ мірахъ должны быть одаренныя разумомъ и свободою существа, которыхъ природа и устройство несходны съ устройствомъ существъ земнородныхъ; и что, хотя они, можетъ быть, и облечены плотію, но имѣютъ такія свойства, о которыхъ жители земные не могутъ составить себѣ и понятія, такъ какъ въ собственной природѣ не находятъ свойствъ, сходныхъ съ тѣми, какими обладаютъ жители міровъ небесныхъ»¹⁾.

Рѣшенію вопроса о томъ, какъ нужно мыслить обитатели ангельскія, очевидно, должно предшествовать разсмотрѣніе самаго понятія объ ангелахъ. Догматическое ученіе церкви по сему предмету то, что ангелы по природѣ суть духи. Въ чемъ состоитъ существо духа, это совершенно не доступно ограниченному человѣческому познанію. Что же касается

¹⁾ Архiep. Анатолій, Астрономія и человѣкъ. „Странникъ“. 1856 г. Августъ стр. 49—50.

вопроса объ образѣ существованія духа, то этотъ вопросъ, какъ вопросъ богословскаго изслѣдованія, доселѣ рѣшается богословами различно. Одни утверждаютъ, что ангельская природа ограничена пространствомъ или даже заключена въ нѣкоторую тонкую свѣтовидную оболочку, подобно тому, какъ духъ человѣка заключенъ въ грубую оболочку плоти; другіе совершенно отрицаютъ ангельское тѣло, какъ бы его ни мыслить, и отрицаютъ всякую мысль о пространственномъ ограниченіи ангельской природы. Однако послѣдніе не осуждаютъ первыхъ, предоставляютъ свободу думать, такъ и ипаче, такъ какъ не считаютъ этотъ вопросъ догматическимъ¹⁾.

Вопросъ о томъ, имѣютъ ли ангелы нѣкоторый обликъ, очертаніе, форму, ограничивающую ихъ въ пространствѣ, имѣеть существенное, хотя и не безусловно рѣшающее значеніе по изслѣдуемому предмету. Если рѣшать этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, то необходимо будетъ сдѣлать заключеніе и о пространственномъ ограниченіи обитателей ангельскихъ, т. е., помѣщать ихъ или за предполагаемыми границами звѣзднаго міра, или въ междузвѣздныхъ пространствахъ, или на звѣздныхъ мірахъ. Но если притти къ мысли о необходимости такого выбора, то уже не составитъ труда убѣдиться въ признаніи именно звѣздныхъ міровъ обитателями небожителей.

Разсмотримъ сначала, какъ можно мыслить отношеніе ангеловъ къ звѣздной вселенной, если мыслить ихъ внѣ всякаго пространственнаго ограниченія.

Отрицаніе описуемости и пространственнаго ограниченія не ведетъ неизбежно къ отрицанію всякой связи между духовнымъ, ангельскимъ, и чувственнымъ, звѣзднымъ мірами. Какъ ни понимать природу и форму бытія ангеловъ, во всякомъ случаѣ безспорно, что звѣздные міры доступны посѣщенію и наблюденію ихъ ангелами. Чувственная все-

¹⁾ Еп. Теофанъ, Душа и ангель не тѣло, а духъ. Москва. 1891 г.

ленная, хотя и ниже духовной, все же входит въ составъ великаго царства Божія, главенствующее положеніе въ которомъ занимаютъ разумные и блаженные духи. Какая же можетъ быть надобность и какой смыслъ раздѣлять двѣ великія половины мірозданія, чувственную и духовную? Гораздо естественнѣе предположить, что онѣ соединены между собою необходимою, однако тѣсною внутреннею связью, соединены не такъ, чтобы одинъ не могъ существовать безъ другого, а такъ, что чувственный міръ поставленъ въ служебное отношеніе къ духовному, подобно тому какъ и земля подчинена была первосозданному человѣку. Если чувственный міръ предназначенъ возвѣщать славу Божію, то конечно, должны быть и существа, которыя видѣли бы чудное величіе и красоту міра и славословили Бога. Люди же постигаютъ это величіе всецѣпной поистинѣ только въ микроскопической дозѣ. Въ Св. Писаніи мы находимъ ясное указаніе на то, что ангелы наблюдали сотвореніе всецѣпной и были поражены этимъ зрѣлищемъ (Іов xxxviii, 7). Безъ сомнѣнія, ангелы близки къ звѣздному міру и въ настоящее время. Если наша малая земля при своемъ сотвореніи представляла такое совершенство, что самъ Богъ нашель въ ней все весьма прекраснымъ, то не менѣе прекрасны, конечно, и другіе міры, и блаженные небожители не могутъ, конечно, не видѣть и не дивиться этому совершенству. Нѣкоторые изъ древнихъ христіанскихъ писателей высказывали мысль, что Богъ «поставилъ ангеловъ управлять стихіями, небесами, и міромъ, и всѣмъ, что на немъ, и благоустройствомъ ихъ»¹⁾ Мысль эта стоитъ въ полномъ согласіи съ Писаніемъ и свидѣтельствуетъ о тѣсной связи между мірами чувственнымъ и духовнымъ. Итакъ, на основаніи Св. Писанія можно твердо установить то положеніе, что планеты и звѣзды съ

¹⁾ См. еп. Сильвестра. Догматич. Богосл., т. III, стр. 151. Киевъ 1889 г. изд. 2.

ихъ планетными мірами доступны наблюденію и посѣщенію ангеловъ и, безъ сомнѣнія, на самомъ дѣлѣ бывають наблюдаемы, и посѣщаемы ими, подобно тому, какъ часто посѣщается ими и даже хранится ихъ присутствіемъ наша планета. Отсюда, конечно, еще нельзя заключать о необходимости мыслить ангеловъ именно населеніемъ звѣздныхъ міровъ, но если принять во вниманіе, что безплотность ангеловъ обусловливаетъ существованіе въ иныхъ, гораздо сильныхъ формахъ, чѣмъ существованіе людей на землѣ, прикованныхъ плотностью къ своей планетѣ, то мысль о свободномъ существованіи ангеловъ въ сферѣ звѣздныхъ міровъ, не прикованномъ необходимо къ которому-нибудь изъ послѣднихъ, является вполне правдоподобною. Такимъ образомъ, представленіе ангеловъ духами, не подчиненными условіямъ пространства и не имѣющими никакой оболочки, нисколько не ведетъ къ необходимости мыслить жизнь ангеловъ совершенно отрѣшенной отъ всякаго отношенія къ чувственному, звѣздному міру: на существованіе этой связи указываетъ само Св. Писаніе.

Но если отрѣшиться отъ мысли о внѣпространственномъ существованіи ангеловъ и признать, что блаженные небожители имѣють нѣкоторое пространственное очертаніе или ограниченіе, характеръ котораго непостижимъ для насъ при крайней ограниченности и условности нашихъ понятій о пространствѣ, то мысль о планетарной, уранической формѣ существованія ангеловъ выясняется съ большею опредѣленностью. Необходимость мыслить ангеловъ подчиненными условіямъ пространства, т. е., имѣющими пространственное очертаніе, вытекаетъ изъ слѣдующихъ соображеній.

I. Богъ именуется въ Писаніи духомъ (*πνεῦμα*) и ангелы—духами (*πνεῦματα*). Естественно отсюда было бы заключить, что ангелы имѣють божественную природу, но церковь этого не приняла и отвергла эту мысль болѣе рѣшительно, чѣмъ мнѣніе о вещественности ангельской природы: относи-

тельную вещественность духовной ангельской природы признавали почти все святые отцы, а божественность признавали одни гностики первых веков¹⁾. Если, таким образом, духовность ангельской природы не тождественна с духовностью природы божественной, то ясное дело, что та и другая природы различны не только по степени совершенства, но именно и по существу. Отсюда с большою осторожностью нужно прилагать к той и другой природе общія понятія о духѣ. Богъ могъ даровать твари свойства, подобныя Его свойствамъ: разумъ, волю, благодать и др., могъ и естество создать подобное Себѣ, но едва ли можно признать духовность ангельской природы въ такомъ же смыслѣ сходною съ духовностью Божества, въ какомъ свѣтъ отраженный сходенъ съ самостоятельнымъ солнечнымъ свѣтомъ (мысль еп. Теофана, цитов. соч., стр. 160) Это сравненіе неизбежно ведетъ къ признанію тождества природы божественной и ангельской, къ различенію ихъ не въ качественномъ, а, такъ сказать, въ количественномъ отношеніи. Безусловно непреходимую бездну слѣдуетъ полагать не между духомъ и тѣломъ, какъ это у насъ дѣлають, а между бытіемъ самобытнымъ, божественнымъ, и бытіемъ тварнымъ, хотя бы и духовнымъ. Всякое тварное бытіе, будучи неизбежно иной, не божественной природы, имѣетъ общія формы бытія, отличныя отъ образа бытія Божества. Богъ по бытію вѣченъ и вездѣущъ, ангель по бытію не вѣченъ и не вездѣущъ, т. е. поставленъ во времени и пространствѣ. А такъ какъ пространство и время являются формами и матеріальнаго бытія, то ясно, что между тварнымъ духовнымъ міромъ и міромъ вещественнымъ нѣтъ непреходимой пропасти, а существуютъ самыя близкія точки соприкосновенія. Богъ всюду

¹⁾ Мысли св. отцовъ о природѣ ангельской см. у еп. Теофана, — Душа и ангель — не тѣло, а духъ. Ср. статью — Мысли св. отцовъ и учителей церкви о природѣ духовъ. Свящ. П. Матвѣевскій, „Странникъ“. 1864 г., ноябрь.

присутствуетъ премірно, не сливаясь и не смѣшиваясь съ міромъ и не обнимаясь послѣднимъ. Премірность всякаго тварнаго духа должна быть совершенно иного рода: ангель можетъ быть названъ премірнымъ, но въ томъ только смыслѣ, что онъ стоитъ выше всехъ физическихъ и химическихъ законовъ, вообще выше законовъ чувственнаго бытія; такъ онъ можетъ не смѣшиваться и не обниматься видимыми предметами, можетъ проникать чрезъ все тѣла, можетъ занимать мѣсто, занятое тѣломъ, можетъ съ такою быстротою мѣнять мѣсто, съ какою не можетъ идти въ сравненіе даже быстрота распространенія свѣта и т. д. Все это свидѣтельствуетъ, что ангель — существо сверхчувственное, но не говорить, что онъ и вѣпространственное существо. «Движимое какъ можетъ быть не ограничено мѣстомъ?» говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ¹⁾. Не вездѣущее какъ можетъ быть вездѣ и нигдѣ? Если не вездѣ, то гдѣ-нибудь. Если гдѣ-нибудь, то въ мѣстѣ, въ пространствѣ. Если въ пространствѣ, то имѣетъ форму или очертаніе. Говорить, что ангелы «существуютъ въ пространствѣ, но не занимаютъ пространства» (Еп. Теофанъ, цит. соч., 174), значитъ бросать слова на вѣтеръ.

II. Только при такомъ пониманіи премірности существованія ангеловъ возможно правильное пониманіе ученія Св. Іоанна Дамаскина объ ангелахъ, на которое главнымъ образомъ опираются отрицающіе описуемость и пространственное ограниченіе ангеловъ. Замѣчательно, что на этого св. отца ссылаются какъ тѣ, которые признають вещественность ангельской природы, такъ и тѣ, которые отрицають не только вещественность, но и какого бы то ни было рода пространственное очертаніе или оболочку ангеловъ. На первый взглядъ, дѣйствительно, кажется, что св. отецъ ясно выражалъ объ эти противоположныя мысли. Такъ, онъ опредѣ-

¹⁾ Точное излож. прав. вѣры. I. IV.

9152 XI 337 K 79 17.857

Подготовлено для онлайн бібліотеки Київської Духовної Академії і Семинарії
<http://Lib.kdais.kiev.ua>

ленно говорить, что одинъ только Богъ въ собственномъ смыслѣ безтѣлесенъ и неописуемъ, а всѣ прочія твари лишь относительно безтѣлесны и всѣ описуемы, имѣють очертаніе и ангелы; въ тоже время ясно учить, что ангелы не имѣють тѣлеснаго очертанія, не подлежатъ троякому пространственному измѣренію и существуютъ въ мѣстахъ мысленныхъ. Такъ какъ св. Іоаннъ Дамаскинъ по вопросу объ ангелахъ, какъ и по многимъ другимъ, является лучшимъ выразителемъ древняго святоотеческаго ученія, то необходимо съ особенною тщательностію разсмотрѣть его ученіе объ ангелахъ: это разсмотрѣніе дастъ опорную точку вообще въ пониманіи ученія древней церкви объ ангелахъ.

Мысль, что ангелы имѣють форму (ἡ μορφή), видъ (εἶδος), образъ или очертаніе (σχῆμα), была безусловно раздѣляема св. Іоанномъ Дамаскинымъ. Онъ ясно учить, что «одна только божественная природа въ собственномъ смыслѣ безвидна, не ограничена предѣлами, недоступна воспріятію», а «ангелъ, душа и демонъ обрисовываются и описываются по собственной природѣ, хотя не тѣлесно и грубо». Но такъ какъ въ томъ образѣ, въ какомъ ангелы существуютъ, они невидимы для людей, то, когда нужно, они становятся видимыми въ преображенномъ видѣ, снисходя до такой формы, какую люди могутъ воспринимать (бываютъ видимы ἐν μετασχηματισμῷ, διὰ συνκατάβασις), при чемъ собственный образъ природы ихъ (ἡ μορφή τῆς φύσεως αὐτῶν) остается невидимымъ. Св. отецъ не говоритъ, что у ангеловъ нѣтъ собственного образа; онъ говоритъ, что этотъ собственный образъ есть, но невидимъ; имъ ангелы ограничиваются, но не тѣлесно и грубо. Иконописное же начертаніе ихъ въ грубомъ и тѣлесномъ образѣ оправдывается тѣмъ, что въ такомъ образѣ ангелы являлись людямъ ¹⁾.

¹⁾ Богъ собственные слова его. Τὰ μὲν σώματα, ὡς καὶ σχήματα, καὶ περιγραφὴν σωματικῆν ἔχοντα, καὶ χροῖα, εἰκότως εἰκονίζονται. Ἄγγελος δὲ, καὶ ψυχή, καὶ δαίμων, εἰ καὶ μὴ σωματικῶς καὶ παχέως, ἀλλὰ κατὰ τὴν ἑαυτῶν φύσιν,

Согласно съ этимъ св. отецъ учить и въ Точномъ Изложеніи Православной Вѣры. Разсмотримъ его мысль порознь. «Есть, пишетъ онъ, мѣсто тѣлесное. Воздухъ содержитъ, а тѣло содержится.—Содержащее не заключается въ содержимомъ. Но есть и мысленное (νοητός) мѣсто, въ которомъ бываетъ нами представляема и существуетъ природа мысленная и тѣлесная. Въ немъ она находится, дѣйствуетъ и содержится не тѣлесно, а мысленно; ибо не имѣеть очертанія, чтобы могла быть содержаима тѣлесно. Итакъ, Богъ, какъ невещественный и неограниченный, не объемлется мѣстомъ.—Ангелъ, хотя не заключается въ мѣстѣ тѣлеснымъ образомъ, такъ чтобы имѣлъ наружное очертаніе и видъ, однако и ему приписывается бытіе на мѣстѣ, потому что онъ тамъ присутствуетъ духовно и тамъ дѣйствуетъ по своей природѣ, и не находится въ другомъ мѣстѣ, но тамъ и имѣеть мысленное очертаніе, гдѣ дѣйствуетъ. Ибо не можетъ дѣйствовать въ одно и то же время въ различныхъ мѣстахъ, потому что одному Богу свойственно дѣйствовать повсюду въ одно и то же время. Ангелъ, по естественной своей быстротѣ и готовности, скоро переходить съ одного мѣста на другое, дѣйствуетъ и въ различныхъ мѣстахъ (фраза перевод. неточно). Но Божество, будучи вездѣ и выше всего, дѣйствуетъ однимъ и вмѣстѣ простымъ дѣйствіемъ многоразлично въ одно и то же время.—Ограниченное есть то, что объемлется мѣстомъ, или временемъ, или понятіемъ; а неограниченное не

καὶ σχηματίζονται, καὶ περιγράφονται. Νοητοὶ γὰρ ὄντες, ἐν νοητοῖς τόποις, νοητῶς παρῆναι καὶ ἐνεργεῖν πιστεύονται. Εἰκονίζονται μὲν οὖν σωματικῶς, ὡς εἰκότως Μωυσῆς, τὰ Χερουβὶμ, καὶ ὡς ἐωράθησαν τοῖς ἁγίοις, ἀλλ' ἀσώματον καὶ νοητὴν τὴν θεωρίαν δηλοῦσθαι τῆς σωματικῆς εἰκόνας. Ἡ δὲ θεία φύσις ἀπεριγραπτὸς ἐστὶ μόνη, καὶ παντελῶς ἀνείδης, καὶ ἀσχηματιστος, καὶ ἀκατάληπτος. (Λόγος τρίτος ἀπολογητικὸς πρὸς τοὺς διαβάλλοντας τὰς ἁγίας εἰκόνας. κ. XXIV). Ἄγγελοι οἱ ἀθεώρητοι τῆ φύσι, ἄρατοὶ διὰ τὴν συνκατάβασιν γινόμενοι, οὐχὶ τῆς φύσεως αὐτῶν οὕτως ἦν ἡ μορφή; ἀλλὰ το ἀσώματον, ὅσον ἠρόνατο ἠμιλήσαι τῷ σωματι, οὕτως ὤφθησαν τοῖς γινόμενοις ἁγίοις θεωρήσαι αὐτοὺς διὰ καὶ ἡμεῖς εἰκονίζομεν αὐτοὺς, καθὼς ὤφθησαν τότε ἐν σχήματι ἀνθρωπίνῳ (Πρὸς τὸν βασιλέα Κωνσταντῖνον τὸν Καβαλῖνον, καὶ πρὸς πάντας αἰρετικούς. κ. XII). Цитовано по изданію P. Michaelis Lequien, Morino—Boloniensis. Parisiis. M. DCCXII. Tomus primus. p. 356 и 621.

объемлется ничѣмъ таковымъ. Потому не ограниченъ одинъ только Богъ, какъ безначальный и безконечный, все объемлющій и не объемлемый никакимъ понятіемъ. Ангель же ограничивается и временемъ, ибо имѣеть начало своего бытія, и мѣстомъ, хотя и духовно, какъ мы сказали прежде, и понятіемъ, ибо ангелы и сами познають нѣкоторымъ образомъ природу другихъ и совершенно опредѣляются своимъ Творцомъ» (1. XII).

Постараемся вникнуть въ мысли св. отца. Тѣлеснымъ мѣстомъ онъ называетъ положеніе тѣла въ пространствѣ, причемъ предполагаетъ, что тѣло какъ бы отдѣляетъ часть пространства, а воздухъ окружаетъ тѣла, но не проникаетъ чрезъ нихъ. Сказано просто и понятно и, для человѣка VIII вѣка, удовлетворительно. Мысленнымъ мѣстомъ св. отецъ называетъ то, гдѣ присутствуетъ и дѣйствуетъ мысленная, духовная природа, а эта послѣдняя присутствуетъ и въ мѣстахъ тѣлесныхъ. Духъ, такъ сказать, съ собою носить мѣсто духовное, куда онъ не является. Ясно, что мысленное мѣсто не внѣ пространственнаго, не за границами вселенной, а можетъ быть всюду, и, слѣдовательно, отличіе его отъ мѣста тѣлеснаго не пространственное, а такъ сказать, качественное, субстанціональное. Будучи въ пространственномъ мірѣ, духъ по своей природѣ остается премірнымъ, т. е. не смѣшивается съ міромъ и стоитъ выше всѣхъ законовъ послѣдняго. Въ одномъ и томъ же пространствѣ, но различнымъ образомъ, съ различнымъ отношеніемъ къ пространству, существуютъ два естества, духъ и матерія. Матерія существуетъ въ пространствѣ *σωματικῶς καὶ παχέως*, тѣлесно и грубо, духъ существуетъ *νοητῶς*, духовно, мысленно, умопостигаемо. Это *νοητῶς* значитъ то, что мы не можемъ представить, а лишь умомъ постигаемъ, какъ существуетъ духъ въ пространствѣ; оно значитъ и то, что духъ существуетъ въ пространствѣ сообразно съ сущностію своего естества, о которой мы не имѣемъ понятія. *Νοητῶς* значитъ и духовно или

мысленно, и умопостигаемо, созерцаемо умомъ (такъ оно и переводится въ различныхъ мѣстахъ въ рус. перев. Точнаго Излож.) — «Духовная природа не имѣеть очертанія, чтобы могла быть содержима тѣлесно»: духовная природа не имѣеть такого очертанія, которымъ обусловливается бытіе *σωματικῶς*, тѣлесно, но свойственное ей «мысленное очертаніе», какъ выразился далѣе, имѣеть. Мысленное очертаніе и значитъ: свойственное мысленной природѣ и потому умопостигаемое человекомъ. Такимъ образомъ, св. отецъ раскрываетъ ту мысль, что ангелы, какъ существа съ иною, не матеріальною природою, и существуютъ инымъ, не матеріальнымъ образомъ и въ иномъ, чѣмъ тѣла, отношеніи къ пространству, но отнюдь не говорить, что они внѣ пространства и не стоятъ ни въ какомъ отношеніи къ пространству. Они не выше пространства, такъ какъ «ангелъ не можетъ дѣйствовать въ одно и тоже время въ различныхъ мѣстахъ».

Далѣе, въ главѣ собственно объ ангелахъ, св. Иоаннъ Дамаскинъ выражается еще опредѣленнѣе. «Ангелы ограничены (*περίγραπτοι*): ибо когда находятся на небѣ, не бывають на землѣ; и когда Богомъ посылаются на землю, не остаются на небѣ. Впрочемъ, не удерживаються ни стѣнами, ни дверями, ни запорами, ни печатами. Ибо они неопредѣлимы (*ἀόριστοι*). Называю же ихъ неопредѣлимыми потому, что, когда по волѣ Божіей являются они достойнымъ, являются не такими, каковы сами въ себѣ, но преобразуются (*ἐν μετασχηματισμῷ*) такъ, какъ видящіе могутъ видѣть ихъ. Ибо по естеству и собственно безпредѣльно одно несотворенное, а всякая тварь опредѣляется сотворившимъ ее Богомъ». — Итакъ, если ангелы описуемы, то они имѣють нѣкоторый образъ или видъ. Если они бывають то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, то они не выше пространства и, слѣдовательно, имѣють пространственное очертаніе; каково это очертаніе, неизвѣстно, потому что людямъ они являлись не въ немъ, а преобразуясь; извѣстно только, что это очертаніе не

имѣть грубаго, тѣлеснаго характера, такъ какъ не препятствуетъ ангеламъ проникать чрезъ стѣны и запоры.

«Будучи умами, существуютъ и въ мѣстахъ мысленныхъ (точнѣе перевести: существуютъ въ мѣстахъ, хотя мысленныхъ или умопостигаемыхъ), неограничиваясь подобно тѣламъ, ибо по природѣ не имѣютъ тѣлеснаго образа (точнѣе: ибо по природѣ не обрисовываются тѣлесно, *ὅτι γὰρ σωματικῶς φέρονται σχηματίζονται*) и троякаго протяженія (*οὐδὲ τριχῆ εἰσι διάσταται*), но духовно (*νοητῶς*) присутствуютъ и дѣйствуютъ тамъ, гдѣ имъ повелѣно, и не могутъ въ одно время быть и дѣйствовать здѣсь и тамъ» (2, ш). Ангелы существуютъ въ видимыхъ, мыслию созерцаемыхъ или умопостигаемыхъ мѣстахъ, и не ограничиваются *σωματικῶς*, тѣлесно, подобно тѣмъ, такъ какъ по своей природѣ не имѣютъ грубаго, тѣлеснаго очертанія, такого очертанія, за предѣлы котораго не проникаетъ другое тѣло. Очертаніе ангеловъ не такого рода и не имѣетъ троякаго измѣренія, хотя можетъ имѣть иное, невѣдомое намъ измѣреніе, ибо мыслимы математически и иные роды измѣреній, кромѣ троякаго. Присутствуютъ невидимо, умопостигаемо тамъ, гдѣ имъ повелѣно но никакъ не внѣ пространства, а въ пространствѣ, потому что «въ одно время не могутъ быть здѣсь и тамъ».

Такъ Богъ сотворилъ природу, умомъ созерцаемую (*νοητήν*), т. е., ангеловъ и всѣ небесныя чины, которыхъ естество, безъ сомнѣнія, разумно и безплотно, т. е., безплотно въ сравненіи съ грубымъ веществомъ. Ибо одно только Божество въ собственномъ смыслѣ невещественно и безтѣлесно» (2, хп). Несправедливо было бы заключать отсюда, что св. отецъ училъ о вещественности духовнаго естества. Сравнительная безплотность ангеловъ указываетъ или на низшее достоинство и низшее совершенство самой ангельской природы въ сравненіи съ божественною природою, или же указываетъ на существованіе нѣкотораго очертанія, образа или оболочки ангельской природы, тѣлесность каковой

оболочки можетъ не имѣть ничего общаго со стихіями видимаго міра, ибо по Апостолу, есть и «духовныя тѣла». Такъ нужно понимать и выраженія другихъ отцовъ (особенно св. Василія Великаго и блаж. Августина) о нѣкоторой вещественности духовной ангельской природы, какъ тварной и ограниченной по бытію.

Итакъ, св. Іоаннъ Дамаскинъ не отрицалъ, а скорѣе признавалъ пространственное бытіе ангеловъ и нѣкоторый образъ или очертаніе ихъ по самой своей природѣ.

III. На VII вселенскомъ соборѣ безусловно была принята мысль объ описуемости ангеловъ и безъ осужденія было выслушано мнѣніе о существованіи свѣтовидныхъ ангельскихъ тѣлъ. Описуемость необходимо предполагаетъ форму, образъ или нѣкоторую оболочку. Открытымъ остается вопросъ, какого рода эта форма, представляетъ ли она только предѣлы или ограниченіе духовности, или же является нѣкоторою оболочкою природы духовной и по существу своему принадлежитъ къ иной, не духовной природѣ. Первое мнѣніе, повидимому, могло бы быть обосновано на мысли святыхъ отцевъ объ относительной духовности ангельской природы, о нѣкоторой вещественности ея въ сравненіи ея съ Богомъ. Такъ, повидимому, представлялъ образъ или очертаніе ангеловъ и св. Іоаннъ Дамаскинъ. Но если трудно понять, что такое «нѣкоторая вещественность» духа (выражаніе еп. Сильвестра, а мнѣніе—многихъ отцевъ), то еще труднѣе понять пространственное самоограниченіе духа. Гораздо проще и естественнѣе представляется дѣло, если принять мысль, что духовность ангельской природы ограничена именно «тонкими воздухообразными и огнеобразными» оболочками, какъ выражается еп. Іоаннъ Θεσσαλονικскій, мнѣніе котораго объ ангелахъ было прочтано по его сочиненію на VII вселенскомъ соборѣ. На 5-мъ засѣданіи этого собора были читаны свидетельства св. отцовъ и писателей въ защиту иконописнаго изображенія ангеловъ. Изъ книги еп. Іоанна Θεσσαλονικскаго

были прочитаны слѣдующія слова. «Что касается ангеловъ и архангеловъ и другихъ святыхъ силъ, высшихъ ихъ, присовокупляю къ этому и наши человѣческія души, то католическая церковь признаетъ ихъ разумными, но не совершенно безтѣлесными и невидимыми, а только имѣющими тѣла тонкія, воздухообразныя и огнеобразныя, согласно сказанному въ Писаніи: творяй ангелы своя духи и слуги своя огонь палящъ (Евр. п, 7). И мы видимъ, что многіе св. отцы наши держатся этого мнѣнія; къ числу ихъ принадлежатъ Василій Великій и св. Аѳанасій и Меодій Великій и бывшіе при нихъ. Воистину безтѣлесно и неопикуемо одно только божественное естество, а разумныя творенія не вполне безтѣлесны и невидимы, какъ божественное естество; поэтому они находятся въ опредѣленномъ мѣстѣ и описуемы. Если же ты находишь выраженія, гдѣ ангелы, или демоны, или души называются безтѣлесными, то ихъ называли такъ потому, что они не состоятъ изъ смѣшенія четырехъ вещественныхъ стихій и самыя тѣла ихъ не такъ грубы и непохожи на тѣ, какими облечены мы. Дѣйствительно, сравнительно съ нами они безтѣлесны; но такъ какъ они многократно и многими были видимы чувственнымъ образомъ въ видѣ ихъ собственныхъ тѣлъ, а видимы они были тѣми, кому открывалъ Богъ очи, и такъ какъ они описуемы мѣстомъ, то оказывается, что они не безтѣлесны вполне, какъ безтѣлесно божественное естество. Итакъ, мы не грѣшимъ, живописно изображая ангеловъ и почитая ихъ, потому что мы почитаемъ ихъ не богами, но разумными твореніями и служителями Божиими, не безтѣлесными въ преимущественномъ значеніи этого слова. Что же касается до изображенія ихъ въ человѣческомъ видѣ, то это дѣлается потому, что они обыкновенно въ этомъ видѣ являются тѣмъ людямъ, къ которымъ бываютъ посланы единымъ Богомъ». По прочтеніи «святѣйшій патриархъ Тарасій сказалъ: мы выслушали, что сказано отцемъ; отецъ показалъ, что и ангеловъ слѣдуетъ

изображать, потому что они описуемы и являлись многимъ въ человѣческомъ видѣ. — Святый соборъ сказалъ: да, владыка»¹⁾.

Мнѣніе объ ангельскихъ тѣлахъ выражено здѣсь насколько рѣшительно, настолько и осторожно. Авторъ не говоритъ, что эти тѣла изъ воздуха или огня, а говоритъ только, что они огнеобразны и воздухообразны, т. е., въ высшей степени тонки, неуловимы для нашихъ чувствъ и въ то же время свѣтоносны. При этомъ онъ различаетъ явленія ангеловъ въ этихъ ихъ собственныхъ тѣлахъ и въ человѣческомъ образѣ, и это не безъ основаній, потому что были явленія въ тѣлесныхъ образахъ, напр., Иисусу Навину, Давиду, Товіи и др., но были и иного рода явленія, напр., Вилеемскимъ пастухамъ явилось въ небѣ множество ангеловъ, или, какъ напр., являлись ангелы въ видѣніяхъ съ мужей, напр. въ видѣніи Іаковомъ лѣстницы съ восходящими ангелами, или еще, напр., явленія ангеловъ умершимъ людямъ, когда для ангеловъ уже не было никакой необходимости измѣнять свой естественный видъ. Когда ангелъ принимаетъ тѣло, его можетъ видѣть всякій, а когда является въ своемъ видѣ, то это явленіе происходитъ по особому откровенію очей человѣка Богомъ; въ Вилеемскую ночь, навѣрно, не одни пастухи смотрѣли на небо, но ангеловъ видѣли одни они. Тотъ фактъ, что и въ послѣдняго рода случаяхъ, ровно какъ и въ явленіяхъ людямъ по смерти, ангелы являются въ человѣческой формѣ, повидимому, даетъ основаніе думать, что человѣкоподобная форма и есть дѣйствительный видъ ангеловъ, хотя очень возможно что видоизмѣненіе этой формы, равно какъ сокращеніе и расширеніе ея до извѣстныхъ предѣловъ, находится въ ихъ собственной власти. Мы не видимъ даже основаній отрицать существованіе у нихъ крыльевъ, сообразныхъ природѣ, ибо совершенно непонятно было бы, откуда возникла въ Писаніи

¹⁾ Дѣянія вселенскихъ соборовъ, т. VII, стр. 388—389. Газанъ. 1873.

мысль объ ангельскихъ крыльяхъ, если бы въ дѣйствительности не было никакого соотвѣтствія этой мысли.

Каковы эти тѣла ангельскія по своему естеству, состоятъ ли они изъ стихій нашего чувственного міра, или же изъ элементовъ совершенно невѣдомыхъ намъ и даже не существующихъ въ нашемъ земномъ мірѣ, это вопросъ, конечно, праздный. Но, конечно, и прежде созданія видимаго міра, при самомъ созданіи духовной ангельской природы, какъ оболочка для послѣдней, могла быть создана и нѣкоторая сверхчувственная вещественность, обладающая свойствами совершенно неизвѣстными въ видимомъ чувственномъ мірѣ. Возможность существованія такой сверхчувственной, невещественной вещественности безусловно допустима, какъ съ физической, такъ и съ математической точекъ зрѣнія. Физика говоритъ, что область невѣдомаго и невидимаго, исключительно умопостигаемаго бытія не только существуетъ, но и безконечно превышаетъ область видимаго бытія, воспринимаемаго чувствами. Точно также математика учитъ, что реально чувственное бытіе можетъ существовать въ такихъ формахъ, которыя для нашихъ глазъ невидимы и не могутъ быть видимы: таково ученіе о четвертомъ измѣреніи.

Итакъ, если физика признаетъ несомнѣнное существованіе элементовъ космическихъ, недоступныхъ нашему воспріятію, а математика доказываетъ возможность существованія рядомъ съ нами невидимыхъ тѣлъ, то ясно, что и съ научной точки зрѣнія безусловно допустимо богословское положеніе о существованіи духовныхъ разумныхъ существъ, обладающихъ невидимымъ и неосязаемымъ тѣломъ не подчиненнымъ тѣмъ условіямъ бытія, какимъ мы подчинены.

— Оправдываемая, такимъ образомъ, и съ богословскою, и съ научною точекъ зрѣнія мысль о пространственной ограниченности ангеловъ неизбѣжно приводитъ къ мысли о пространственномъ положеніи ангельскихъ обитателей.

На это указываетъ явственно и само Св. Писаніе. Все-

общее вѣрованіе человечества, принятое и христіанствомъ, что рай существуетъ не въ области земли и ея атмосферы, а гдѣ то тамъ вверху, на небѣ, имѣеть для себя прочныя основанія въ Св. Писаніи: мѣсто обитанія ангеловъ именуется здѣсь именно небомъ или небесами, раемъ, царствомъ небеснымъ, царствомъ Божіимъ. Изъ этого царства ангелы иногда, по повелѣнію Божію, приходятъ на землю и снова затѣмъ возвращаются въ него. Такъ, арх. Гавріиль, явившись Дѣвѣ Маріи въ Назаретѣ и возвѣстивъ въ ей зачатіе предвѣчнаго Бога, «отыде отъ нея» въ мѣсто своего блаженнаго обитанія.

Затѣмъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ ясно указалъ на существованіе многихъ обитателей ангельскихъ: въ дому Отца Моего обители многи суть (Іоан. хiv, 2). Не сказалъ Господь: многочисленны и разнообразны степени совершенства и славы разумныхъ тварей, но сказалъ точно: много обитателей, много мѣстъ обитанія, соотвѣтствующихъ степени совершенства обитателей.

Далѣе, ап. Павелъ пишетъ о себѣ, что спѣ былъ восхищенъ до третьяго неба (2 Кор. хii, 1—5). Можно заключать отсюда, что въ царствѣ небесномъ многочисленны небеса или обители блаженныхъ духовъ, какъ сказалъ Спаситель. Но если даже толковать такъ, что первое небо означаетъ воздухъ, второе — звѣздное небо, а третье — ангельское, то и тогда мысль о пространственной опредѣленности рая будетъ ясно выражена въ словахъ Апостола.

Далѣе, св. ап. Іуда называетъ падшихъ духовъ не сохранившими своего достоинства и оставившими свое жилище (Іуд. ст. 6). Если при этомъ принять во вниманіе, что мѣстомъ нынѣшняго обитанія падшихъ духовъ многіе изъ богослововъ не безъ основаній считаютъ земную атмосферу (Ефес. ii, 2), то изъ словъ ап. Іуды необходимо будетъ заключить къ признанію опредѣленнаго реального мѣста обитанія блаженныхъ духовъ, въ которомъ сначала жили и

надшіе духи. Да и кто усумнится въ реальности обителѣй, если реальны обитатели, и въ пространственномъ положеніи этихъ обителѣй, если пространственны обитатели? Въ этихъ обителѣяхъ, по ученію церкви, мѣсто и всѣхъ умершихъ праведниковъ. Тамъ Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, ибо «всѣ сіи живутъ»; тамъ Энохъ и Ілія, во плоти взятые на небо; тамъ Преоблагословенная Матеръ Божія, съ плотию взятая на небо; по вѣрованію церкви, тамъ и всѣ тѣ, коихъ вывелъ Христосъ изъ ада послѣ Своей смерти. Самое извѣдѣніе это явственно свидѣтельствуєтъ о пространственномъ различіи между раемъ и адомъ. Не изъ опредѣленныхъ ли обителѣй воспарили на гору Фаворъ боговидецъ Моисей и Ілія пророкъ, пророкъ предивный, чтобы видѣть славу божества, чего такъ страстно желали при жизни? Не въ опредѣленное ли мѣсто удалился съ пречистою плотию и Самъ Господь нашъ, поднявшись въ высоту и скрывшись тамъ отъ взоровъ апостольскихъ? Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на многократные случаи въ исторіи христіанской церкви, когда люди, подобно ап. Павлу, удостоивались еще при жизни видѣнія райскихъ селеній въ образѣ прекраснаго сада или дивныхъ храминъ, ощущали райское благоуханіе, видѣли свѣтъ, осіяющій небожителѣй, подобный свѣту Фаворскому; всѣ эти случаи подтверждаютъ мысль о пространственной опредѣленности рая. Приведемъ изъ нихъ нѣкоторые: Св. Андрей, Христа ради юродивый, имѣлъ видѣніе рая въ образѣ прекраснаго сада съ высокими деревьями; отъ вѣтвей исходило благоуханіе. Одни изъ деревьевъ постоянно цвѣли, другіе украшались златовидными листьями, иные имѣли на себѣ различные плоды несказанной красоты и пріятности. Въ этихъ садахъ было безчисленное множество птицъ: однѣ изъ нихъ были съ златовидными крыльями, другія—бѣлыя, какъ снѣгъ, иныя разнообразно испещренныя; онѣ сидѣли на вѣтвяхъ деревьевъ и пѣли. Отъ четырехъ странъ вѣяли тамъ тихіе и благоухающіе вѣтры. Отъ этого вѣянія деревья ко-

лебались, и происходилъ пріятный шумъ (Четь-Минея. 2 Окт). Подобнымъ же образомъ видѣли рай св. Симеонъ Дивногорець, преп. Θεодора и др. (Четь-Минея. 26 марта, 24 Мая). Подобнымъ же образомъ описываетъ рай и св. Ефремъ Сиринъ въ своемъ сочиненіи о раѣ. Какъ смотрѣть на всѣ эти видѣнія и описанія? Не признать ли ихъ плодомъ заранѣе настроеннаго воображенія? Если такъ, то и видѣніе св. ап. Павла придется признать галлюцинаціей. Но въ этомъ нѣтъ никакой необходимости, потому что рѣшительно ничто не препятствуетъ думать, что святые люди, подобно Павлу, были дѣйствительно переносимы духомъ въ райскія селенія и видѣли ихъ таковыми, каковы они суть въ дѣйствительности. Непонятныя слова ап. Павла о восхожденіи его до третьяго неба становятся совершенно понятными, если допустить, что апостоль посѣтилъ духомъ три райскихъ селенія на планетахъ солнечной системы или какой-нибудь изъ звѣздныхъ системъ.

Если обители небожителѣй въ пространствѣ, то является вопросъ, гдѣ же именно онѣ, въ границахъ или внѣ границъ звѣздной вселенной? Самые сильные телескопы не открыли границъ мірозданія. Конечно, было бы поспѣшно заключать отсюда, какъ дѣлаєтъ Фламмаріонъ, что границъ мірозданія и не существуетъ, что вселенная безконечна; но столь же, конечно, произвольно было бы утверждать и противное, именно, что мірозданіе имѣетъ границы. То и другое утвержденіе не имѣютъ подъ собой почвы. Пока не было извѣстно дѣйствительное положеніе земли во вселенной, люди естественно помѣщали рай за предѣлы той куполообразной плоскости, какою они представляли небо. Но теперь, когда самое существованіе предѣловъ звѣзднаго міра подвергается сомнѣнію, когда люди убѣдились въ существованіи превышающихъ всякое человѣческое представленіе и пониманіе неизмѣримыхъ звѣздныхъ разстояній, теперь нѣтъ еякакихъ основаній и никакой надобности голословно утверждать, во

1-хъ, что существуютъ предѣлы вселенной и, во 2-хъ что рай находится за этими предѣлами. Нѣтъ никакой надобности утверждать то и другое, потому что, если не угодно представлять райскими обителями планетные и звѣздные міры, то междузвѣздныя пространства достаточно велики, чтобы населить ихъ какимъ угодно количествомъ обитателей. Выдѣленіе ангеловъ за предполагаемыя границы мірозданія не имѣетъ поэтому никакого смысла; если они ограничены пространствомъ, то за предѣлами міра они будутъ ограничены точно такъ же и точно такимъ пространствомъ, какъ еслибы они обитали въ междузвѣздныхъ пространствахъ. Выдѣленіе это было бы даже странно въ виду того обстоятельства, что и чувственный міръ входитъ въ составъ великаго царства Божія, къ которому принадлежатъ ангелы.

Если, такимъ образомъ, приходится выбирать между звѣздными мірами, планетами звѣздъ, и между звѣздными пространствами, какъ мѣстами обитанія ангеловъ, то выборъ совершенно естественно долженъ остановиться на первомъ предположеніи. При немъ жизнь ангеловъ становится понятной, совершенной, вполне достойной ихъ величія и положенія во вселенной и вполне согласной съ тѣмъ, что извѣстно о ней изъ Св. Писанія.—Св. Писаніе учитъ, что ангелы непрестанно лицезрятъ и славословятъ Бога. Какъ понимать сіе славословіе и лицезрѣніе? Здѣсь мы встрѣчаемся съ великою тайною, ибо какъ можетъ существо, хотя духовное, но все же тварное и ограниченное, созерцать существо безпредѣльное? И какъ примирить ученіе Св. Писанія, съ одной стороны, о томъ, что «Бога никто никогда не видѣлъ», «Божіе никтоже вѣсть, точію Духъ Божій» (Іоан. 1, 18; 1 Іоан. 4, 12; 1 Кор. II, 11), а съ другой—что «ангелы на небесахъ выну видятъ лицо Отца Небеснаго», и что сами мы увидимъ Его нѣкогда «лицемъ къ лицу, якоже есть» (1 Іоан. III, 2; 1 Кор. XIII, 12)?

Разумъ вселенской церкви поминаетъ сію тайну въ томъ

смыслѣ, что тварныя существа могутъ созерцать только проявленіе Божества въ разныхъ, доступныхъ степени развитія ихъ образахъ, самое же существо Божіе остается непостижимымъ и для совершеннѣйшихъ изъ духовъ. «Лицо Божіе видимое, говоритъ св. Григорій Палама, есть не что иное какъ сила и благодать Божіи при явленіи достойнымъ; лицо же невидимое есть существо Божіе, которое выше всякаго слова и зрѣнія»¹⁾. Мысль о непостижимости существа Божія, о томъ, что безусловно «никто не видѣлъ Бога», выражена была на VII вселенскомъ соборѣ многократно самымъ рѣшительнымъ образомъ. А такъ какъ Господь «небо и землю наполняетъ» (Іер. XXIII, 24) по своему вездѣсущію, то ясно, что различныя формы откровеній и проявленій божественной славы могутъ быть не въ одномъ мѣстѣ, а всюду, во всей вселенной. Слѣдовательно, нѣтъ никакой необходимости предполагать какое-нибудь непременно одно мѣсто, въ которомъ бы открывалась слава Божія и въ которомъ бы пребывали всѣ ангелы. Тѣмъ болѣе нѣтъ надобности и даже нечестиво было бы представлять существованіе какого-то престола Божія, вокругъ котораго стояли бы и славословили Бога всѣ ангелы²⁾. Такое представленіе совершенно несовмѣстимо съ понятіемъ о Божествѣ и основано на грубочувственномъ, буквальномъ пониманіи пророческихъ видѣній и нѣкоторыхъ явно аллегорическихъ выраженій Св. Писанія и ведетъ къ полному антропоморфизму. Если въ буквальномъ смыслѣ понимать слова Господа, что ангелы видятъ лицо Отца Небеснаго, то нужно признать въ Богѣ лицо и всѣ прочія части человѣческаго тѣла и престолъ, на которомъ Богъ возсѣдаетъ. И если вся жизнь ангеловъ заключается въ экстатическомъ чувствѣ восхищенія славой лица Божія, то гдѣ полнота развитія ихъ и совершенствованіе? Гдѣ свобода и добродѣтель?

¹⁾ Св. Григорія Паламы бесѣда 3. стр. 47. Москва. 1785.

²⁾ Авторъ извѣстн. Догм. Бог., митр. Макарій, рѣшительно отвергаетъ такое представленіе. II т. Объ ангелахъ.

Гдѣ іерархія и значеніе ея? Ибо іерархія предполагаетъ подчиненіе низшихъ высшимъ и, по вѣрованію церкви, идущему отъ вѣка апостольскаго (черезъ св. Діонисія Ареопагита), состоитъ въ просвѣщеніи низшихъ чиновъ высшими, болѣе совершенными. Итакъ, буквальное пониманіе престола Божія несовмѣстимо ни съ понятіемъ о Богѣ, ни съ понятіемъ о внутренней жизни духовныхъ существъ, а потому должно оставить и мысль о существованіи ангеловъ гдѣ-то въ воздушномъ или безвоздушномъ пространствѣ кругомъ престола Божія.

Какъ же понимать лицезрѣніе Бога ангелами? Богъ вездѣсущъ, и потому «все отстоитъ отъ Бога не по мѣсту, а по природѣ»¹⁾. Подобно тому какъ для святыхъ на землѣ рай можетъ быть всюду, ибо они всюду могутъ имѣть Бога съ собою, такъ и на небѣ для ангеловъ общеніе съ Богомъ, а слѣдовательно, и блаженство обуславливаются не мѣстомъ обитанія ихъ, а полнотою ихъ внутренней созерцательной жизни. Отсюда ясно какъ то, что ангелы не имѣютъ никакой необходимости въ чувственныхъ мірахъ, такъ и то, что предполагаемое пребываніе ихъ на чувственныхъ мірахъ нисколько не препятствуетъ имъ обладать всею полнотою внутренней жизни, носить Бога въ себѣ, созерцать Его лицомъ къ лицу, хотя бы они были разсѣяны на такихъ невыразимыхъ пространствахъ, на какихъ разсѣяны звѣзды небесныя. По всеобщему вѣрованію церкви, согласному съ Св. Писаніемъ, ангелы сотворены Богомъ ранѣе видимаго міра и, слѣдовательно, не имѣютъ никакой необходимости въ послѣднемъ. Но если для полноты откровенія Своей славы Богъ не ограничился созданіемъ царства духовъ, но благоволилъ создать и видимый міръ, то почему не допустить, что это откровеніе славы предназначалось именно для духовъ, въ управленіе и обладаніе которымъ Богъ и передалъ этотъ

¹⁾ Св. Іоаннъ Дамаскинъ, Точное Изложеніе, 1. ш.

чувственный міръ? Такое представленіе вполне естественно, слѣдуетъ только при этомъ въ представленіи самаго способа этого обладанія отрѣшиться отъ земной, грубой дѣйствительности. Отличаясь полною свободою отъ рабства условіямъ и законамъ чувственнаго бытія, это разумное населеніе иныхъ міровъ занимаетъ поистинѣ царственное положеніе въ своихъ обителяхъ и имѣетъ полную возможность жить всею полнотою чисто-духовной, созерцательной жизни. Эти блаженные обитатели горнихъ міровъ безпрепятственно и постепенно могутъ созерцать проявленія славы Божіей какъ въ мірозданіи, такъ и въ особенныхъ откровеніяхъ, подобныхъ тѣмъ, какими пользовался первый человекъ въ раю, но, быть можетъ, постоянныхъ и болѣе совершенныхъ, соотвѣтствующихъ совершенству природы ихъ. Познаніе красоты и величія міра стоитъ у нихъ въ полномъ согласіи съ созерцаніемъ непосредственно открывающейся славы Божіей и восполняетъ послѣднее. А какъ необъятно открывается величіе Божіе въ мірозданіи, объ этомъ лишь отчасти можетъ догадываться человекъ, прикованный своею плотностью къ землѣ. Если наши грубыя и несовершенныя чувства способны къ воспріятію чудной красоты космоса, то въ сколь же совершенныхъ формахъ должна открываться эта красота для существъ, созерцающихъ не тѣнь, не призрачную оболочку, а самую сущность вещей, созерцающихъ не гадательно, какъ бы чрезъ тусклое стекло, какъ человекъ, а прямо и открыто истинное положеніе вещей? Да и самыя формы бытія на мірахъ, съ иными условіями существованія и развитія и при томъ не подвергшихся тлѣнію за грѣхъ, должны быть болѣе совершенны и прекрасны, чѣмъ земныя, подобно тому, какъ и на землѣ, первозданная жизнь, по изображенію Библии, была гораздо выше и совершеннѣе современной. Если на такомъ, сравнительно ничтожномъ и во всякомъ случаѣ ничѣмъ выдающемся мірѣ, какъ земля, Богъ одѣваетъ полевой цвѣтокъ такъ, какъ не одѣвался Соломонъ во всей своей славі

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии

VI, 29), то на других громаднѣйшихъ мірахъ совершенство творенія проявляется нынѣ или въ будущемъ, конечно въ болѣе грандіозныхъ и чудныхъ формахъ. Сужденіе небесныхъ тѣлахъ по аналогіи съ землею вполне законно, потому что вполне согласно съ идеей Св. Писанія о совершенствѣ твореній Божіихъ и о полной гармоніи и стройности въ мірозданіи. Какова же должна быть жизнь свободныхъ существъ, посвященная всецѣло познанію истины и созерцанію красоты, существъ, не подчиненныхъ рабски условіямъ чувственного бытія, обладающихъ свободою посѣщать и другіе безчисленные міры въ необъятномъ величій вселенной, въ томъ числѣ и нашу планету—песчинку? Поястипѣ такая жизнь болѣе достойна безгрѣшныхъ существъ, чѣмъ существованіе ихъ въ какой-то безпространственной пустотѣ, и нисколько не противорѣчитъ духовности ихъ природы, такъ какъ ураническая жизнь совершенно не похожа на обусловленное нашею тѣлесностію вынужденное и бѣдственное существованіе на землѣ.

Что такая именно форма бытія является самою естественною для блаженныхъ небожителей, объ этомъ можно еще догадываться и на основаніи того, что извѣстно изъ Св. Писанія о нашей землѣ. Земля предназначена была Богомъ при созданіи ея служить жилищемъ для вѣчнаго существованія безсмертныхъ и богоподобныхъ существъ, умаленныхъ малымъ чимъ отъ ангель. Съ грѣхомъ вошла въ міръ смерть, и земля стала мѣстомъ плача вмѣсто того, чтобы быть раемъ. При этомъ и сама она со всею тварью подверглась вмѣстѣ съ человѣкомъ глубокому разстройству. Проявленія этого разстройства мы видимъ на каждомъ шагѣ. Почему на одной части земного шара бываетъ такъ холодно, что вся тварь вмѣстѣ съ человѣкомъ страдаетъ и нерѣдко умираетъ отъ холода, а на другой—то же самое повторяется отъ жестокаго жара? Почему въ животномъ мірѣ всюду видимъ борьбу за существованіе? Почему въ человѣкѣ животная сторона беретъ перевѣсъ надъ духов-

ной? Нормально-ли все это? Конечно, все это согласно съ условіями существующей дѣйствительности, но нормальны ли самыя эти условія, вотъ въ чемъ вопросъ. Что тварь страдаетъ отъ холода, это—нормально, но что на землѣ бываетъ такой жестокой холодъ, мучительный для твари, это совершенно ненормально. Что тварь нуждается въ питаніи и чувствуетъ голодь, это—нормально, но что она питается тѣлами другихъ тварей, это совершенно ненормально. И въ началѣ не было такъ. Въ началѣ, въ первозданномъ раю, былъ именно нормальный порядокъ вещей, вполне согласный съ премудростію и благодію Творца, и страданія на землѣ не было. И если бы не появился на землѣ грѣхъ, люди одаренные безсмертіемъ, совершенствовались бы безпрепятственно и, Богу одному извѣстно, какой высокой степени духовнаго и тѣлеснаго совершенства они достигли бы теперь и имѣли достигнуть въ вѣчности. Едва ли бы они были умалены даже малымъ чимъ отъ ангель, ибо даже въ падшемъ состояніи нѣкоторые изъ нихъ сравнились съ ангелами, а Препоблагословенная Матерь Божія содѣлалась честиѣйшею херувимъ и славнѣйшею безъ сравненія серафимъ. Какъ ангелы на небѣ, люди на землѣ постоянно видѣли бы лицо Отца Небеснаго и славословили Творца, обладая въ то же время землею и населяя ее. Ясное дѣло, что ураническая форма существованія есть именно та нормальная форма, къ которой предназначена была по крайней мѣрѣ часть разумныхъ и безсмертныхъ существъ, именно человѣчество. Отсюда совершенно естественно придти къ заключенію, что и другія небесныя тѣла предназначены Богомъ для той же цѣли, такъ какъ и они не предназначены къ уничтоженію. А такъ какъ разумными тварями, кромѣ людей, Св. Писаніе признаетъ еще именно ангеловъ, то ихъ и можно мыслить разумнымъ населеніемъ иныхъ многочисленныхъ небесныхъ міровъ.

Сказать, что ураническая форма существованія людей обусловливалась тѣлесностію ихъ, значило бы забывать, что

Такая именно форма существованія предназначена и въ вѣчной жизни для имѣющихъ воскреснуть праведниковъ, тѣла которыхъ имѣютъ быть совершенно независимы отъ условій чувственнаго бытія: подобно воскресшей плоти Спасителя, тѣла прославленныхъ праведниковъ будутъ выше законовъ физическихъ и химическихъ. Такимъ образомъ, праведники будутъ жить на землѣ не потому, что внѣ ея не могутъ жить, а потому что такая именно форма предназначена имъ по плану божественной премудрости. То въ высшей степени знаменательно, что Св. Писаніе не признаетъ уничтоженія земли и видимой вселенной, а учитъ только объ обновленіи огнемъ земли и такъ называемаго неба, т. е. видимаго небосвода или, если угодно, всей вселенной. Не измышленія празднои фантазіи, а сама божественная истина гласитъ, что будетъ нѣкогда день, когда весь тотъ неизмѣримый океанъ зла, какимъ доселѣ залитъ земной міръ, будетъ уничтоженъ какимъ-то невѣдомымъ огнемъ, имѣющимъ свойство не уничтожать, а измѣнять палимое, и земля возродится въ красотѣ, превосходящей первоизданную, и вернется на землю рай, лучшийрая первоизданнаго, въ которомъ самая животная и растительная жизнь будетъ одарена совершенствомъ¹⁾. Жизнь людей, имѣющихъ удостоиться получить эту землю въ обладаніе, будетъ мало, или даже совсѣмъ не будетъ отличаться отъ

¹⁾ Слѣдую ученію Св Писанія и опредѣленію V вселенскаго собора, православные богословы единогласно учатъ не объ уничтоженіи, а только объ обновленіи міра при такъ называемой кончинѣ послѣдняго, причѣмъ многіе признаютъ и существованіе твари на новой землѣ, имѣя въ виду Римл. VIII, 19—20. Ср. Догм. Богосл. еп. Сильвестра, м. Макарія, архіеп. Филарета, а также изслѣдованія: Н. Виноградова, О конечныхъ судьбахъ міра и человѣка. Москва. 1889 г. П. Свѣтлова, Что будетъ съ землею? „Правосл. Обзор.“ 1889 г., т. 3. С. Глаголева, Конецъ земли. „Богосл. Вѣстн.“ 1894 г., 4. А. Миловидова, Конецъ міра по ученію слова Божія и современнымъ гипотезамъ. „Вѣра и Церковь“. 1899 г., 3. Вл. Челмогорскаго, Конечная участь земли по современнымъ научнымъ гипотезамъ и ученію слова Божія. „Арханг. Епарх. Вѣд.“, 1899 г.

той, какую ведутъ теперь ангелы, откуда вполне логично заключить если не о дѣйствительности, то о полной возможности и естественной уранической жизни ангеловъ, подобно тому какъ и жизнь праведниковъ будетъ продолжаться въ формѣ ураническаго существованія. Когда Спаситель говоритъ, что «въ воскресеніи ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангелы на небесехъ суть» (Мф. ххii, 30; Мар. хii, 25), то этимъ Онъ указываетъ, конечно, не только на то, что по воскресеніи люди не будутъ жениться и выходить замужъ, но и вообще на сходство жизни воскресшихъ праведниковъ съ жизнью ангеловъ. И дѣйствительно, когда описывается блаженство праведниковъ, то оно описывается въ тѣхъ же чертахъ, въ какихъ изображается и блаженство ангеловъ, т. е., полагается въ лицезрѣніи Бога, въ словесіи Его, въ ближайшемъ и тѣснѣйшемъ общеніи съ Нимъ, въ познаніи истины, въ полномъ покоѣ и радости, т. е., въ той именно чисто-духовной, совершеннѣйшей жизни, какую ведутъ ангелы, и въ тѣсномъ общеніи съ послѣдними. При этомъ праведники называются въ Писаніи сынами Божиими, наслѣдниками царства Божія, сонаслѣдниками и братьями Христа и присными Богу. Изъ всего этого ясно, что положеніе праведниковъ въ царствѣ славы будетъ не ниже ангельскаго и въ существенныхъ чертахъ не будетъ отличаться отъ жизни ангельской. Чувственный міръ не только не будетъ отвлекать людей отъ созерцанія славы Божіей, но еще будетъ споспѣшествовать послѣднему. Люди будутъ созерцать величіе мірозданія, познавать чудные законы его и, по мѣрѣ познанія, прославлять Творца. Всѣ духовныя потребности будутъ удовлетворены тамъ совершеннѣйшимъ образомъ; истина и тамъ будетъ привлекать умъ человѣка, а красота и добро—его чувство; обильный и неизсякаемый источникъ удовлетворенія откроется для ума и для сердца. Посему св. отцы не отрицали въ царствѣ небесномъ и познанія видимаго міра. Такъ, по мнѣнію св.

Василіе Великаго, мы увидимъ тамъ первообразы всѣхъ вещей, тогда какъ теперь какъ бы въ зеркалѣ видимъ однѣ ѣни ихъ. По златоусту, мы узнаемъ тогда многое такое, что нынѣ сокровено, сподобившись блаженнѣйшей бесѣды съ Богомъ и премудрости ¹⁾. Ясно отсюда, что лицезрѣніе праведниками Бога, какъ источникъ блаженства, нельзя представлять въ грубой формѣ удивленнаго и неподвижнаго устремленія взоровъ на лицо Божіе. Подобно тому, какъ лицезрѣніе Бога ангелами относится къ созерцанію различныхъ образовъ проявленій божественнаго существа и не исключаетъ дѣятельнаго отношенія ихъ къ міру вещественному, и лицезрѣніе Бога праведниками нужно понимать въ такой же формѣ; иначе было бы странно помѣщать воскресшихъ людей снова на землю со всею и еще болѣе совершенною полностію и разнообразіемъ земной жизни.

Итакъ, если совершенно подобная ангельской вѣчная жизнь въ уранической формѣ не только возможна, но и на самомъ дѣлѣ имѣетъ быть, то почему не допустить, что такая именно форма существованія разумныхъ тварей осуществляется и теперь, что ангелы живутъ планетарною, ураническою жизнью? Если сравнительно ничтожная земля будетъ достойна служить обителію райской, ангелоподобной жизни святыхъ, то почему не допустить, что неизмѣримо большіе и безчисленные міры достойны быть обителями другихъ разумныхъ существъ, безплотныхъ по сравненію съ нашею грубою плотію, но безспорно имѣющихъ нѣкоторую своеобразную организацію, соответствующую ограниченію ихъ въ пространствѣ? Странно было бы думать, что изъ безчисленнаго сонма небесныхъ тѣлъ только наша именно планета явится великою обителію безчисленныхъ членовъ великаго царства Божія, тогда какъ всѣ прочія или погибнутъ или будутъ пусты. Это противно всякому смыслу и ни

1. Еп. Сильвестра Догм. Бог., т. V, стр. 433, Кіевъ. 1891 г.

для котораго изъ этихъ утверженій нѣтъ ни малѣйшаго основанія въ Св. Писаніи. Нужно думать, что обновленная земля приобщится къ сонму тѣхъ звѣздныхъ планетъ, на которыхъ нѣтъ разстройства, вызваннаго грѣхомъ, а оправданное человѣчество войдетъ равноправнымъ членомъ въ семейство сыновъ Божіихъ, каковыми называются ангелы, и приобщится къ ангельской жизни. На это именно, повидимому, указываетъ прикровенно тотъ фактъ, достойный вниманія, что говоря о близкомъ общеніи праведниковъ съ ангелами въ царствѣ славы, Св. Писаніе однако нигдѣ не говоритъ, что именно на обновленной землѣ будутъ жить съ людьми и ангелы въ царствѣ Сына Божія. Это обстоятельство невольно наводитъ на мысль, что прославленное человѣчество вернется нѣкогда на свою старую отчизну, обновленную огнемъ, а ангелы останутся въ своихъ вѣчныхъ обителяхъ, многочисленныхъ въ дому Отца небеснаго, т. е., во вселенной, однако общеніе между тѣми и другими сынами Божіими будетъ самое тѣсное: праведники не будутъ рабски подчинены условіямъ пространства, какъ теперь свободны отъ этого подчиненія ангелы, и будутъ имѣть возможность безпрепятственно посѣщать другія безчисленные обители въ царствѣ небесномъ. Какой языкъ человѣческой можетъ описать совершенство этой небесной жизни? Какое воображеніе можетъ представить жизнь, свободную отъ всѣхъ узъ плоти? Теперь человѣкъ пресмыкается, какъ червь, по жалкой землѣ. Тамъ онъ будетъ царствовать со Христомъ въ царствѣ Его, а царство это, этотъ домъ Божій, есть вся вселенная.

Итакъ, Откровеніе учитъ, и наука подтверждаетъ, что

Въ безконечности творенія
 Вѣчна жизнь духовъ;
 Тамъ родныя намъ селенія,
 Тамъ и Отчій кровъ.
 Узримъ тайны мірозданья,
 Славу Божьихъ дѣлъ;

Жить познаемъ, безъ страданья,
Будеть нашъ удѣль.
Не печалься же печалью,
Краткою, какъ мигъ:
Чудный міръ за синей далью
Ждетъ духовъ благихъ.
Звѣздъ спокойное мерцанье
Въ тихій ночи часъ—
Вотъ залогъ, что упованье
Не обманетъ насъ.

А. Кремлевскій.

